

И. А. Качков
(научный руководитель **Н. В. Пращерук**)
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Проблема нигилизма в осмыслении В. Ф. Одоевского (на материале дневников писателя 1860-х годов)

Аннотация: работа посвящена исследованию взглядов В. Ф. Одоевского, в частности – его отношения к проблеме нигилизма 1860-х годов. С опорой на дневники писателя удастся установить, в чем он видел истоки нигилизма и как воспринимал приверженцев этого мировоззрения. Удастся также выявить отношение В. Ф. Одоевского к романам «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Отцы и дети» И. С. Тургенева.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, нигилизм, дневники, «Отцы и дети», «Что делать?».

Изучение личности В. Ф. Одоевского, как правило, прерывается литературоведами на середине 1840-х годов¹. Связано это с тем, что роман «Русские ночи» (1844) стал последним аккордом Одоевского-писателя, после которого он закончил свое литературное творчество и переключил внимание на общественно-политическую деятельность, теорию музыки и естественные науки.

В 1847 году в письме М. С. Волкову он прямо заявляет, что мистик Фауст, один из главных героев «Русских ночей», во многом выражавший мнение самого автора, умер – и это символически становится началом нового этапа в жизни самого В. Ф. Одоевского.

В письме говорится следующее: «Время фантазии прошло; дорого заплатили мы ей за нашу к ней доверенность; чей ум, упрямый до бестолковости и нелепости, не признает, что другую картину представляют положительные знания, спасающие нас от болезней, предохраняющие наши здания от громовых ударов, сближающие расстояния, утишающие при операциях, – словом, образовавшие всю нашу настоящую жизнь? Каким путем положительная наука дошла до знания ближайших результатов? Путем опытов и наблюдений. Вот истинное поприще деятельности человека. Знать – первый его Долг; действовать сообразно знанию – второй долг его» [Одоевский, 1975, с. 237].

Такой поворот к позитивному знанию был связан с разочарованием В. Ф. Одоевского в своих прежних взглядах – в мистицизме, в идеализме. Реальная деятельность и научный подход – вот что, по его мнению, нужно обществу, а не просто отвлеченные философские рассуждения и красивые слова. Звучит очень в «базаровском» духе.

Задавшись вопросом о том, как бы В. Ф. Одоевский оценил Базарова, мы пришли в итоге к более масштабной проблеме, которая из-за отсутствия интереса литературоведов к жизни Одоевского в 1860-х годах остается практически неисследованной: каким было отношение писателя к нигилистам вообще?

Ответ на этот вопрос, по очевидным причинам, невозможно найти в творчестве писателя, он практически не упоминает нигилистов в своей публицистике – и только его дневник становится для нас проводником в его мысли. А там мы видим настоящую ненависть к нигилистам. Тут важно заметить, что у В. Ф. Одоевского не было никаких предубеждений относительно разночинцев – в его салоне они были частыми гостями [Турьян, с. 350–351]. Он был открыт к представителям демократии и воспринимал их как равных, несмотря на свой княжеский титул и род, идущий от самого Рюрика. Но конкретно нигилистов, к какому бы сословию они ни принадлежали, В. Ф. Одоевский категорически не принимает, считая эту идеологию буквально болотом.

Запись от 11 января 1864 года:

---

¹ См., например, [Сакулин], [Турьян] – эти обширные и авторитетные исследования, посвященные жизни и творчеству В. Ф. Одоевского, не выходят за рамки 1840-х годов.

«Оканчивая письмо к Валентине Семеновне Серовой, не успел и соснуть до обеда, от чего очень устал. Но необходимо охранить это гениальное существо от нигилистского болота, в которое она готова попасть» (178)¹.

Для В. Ф. Одоевского нигилизм – это не только отрицание культуры, ценностей и идеалов, но и отказ от развития, от движения вперед. Как человек, который до самой смерти осваивал новые науки и искал им полезное применение для общества, он просто не понимал, почему другие люди не видят, что нигилизм – это тупиковый путь, болото, из которого крайне сложно выбраться.

Несколько раз в дневнике В. Ф. Одоевского появляются и записи об истоках нигилизма.

Запись от 25 марта 1864 года:

«Говорят, что по мысли Валуева и кн. [В. А.] Долгорукова в Петербурге будет допущен пансион езуитов – для воспрепятствования нигилизму; но ведь нигилизм есть порождение езуитов» (180).

Иезуитов в своем дневнике В. Ф. Одоевский вспоминает не один десяток раз и всегда с явной негативной коннотацией. Иезуиты для него это и католики, и лжецы, и в целом софисты, способные с помощью своих речей выйти сухими из воды при любых обстоятельствах. Такими иезуитами В. Ф. Одоевский часто воспринимает поляков, с которыми также связывает появление нигилизма в России. В частности, польский след он видит и в покушении Каракозова на Александра II в 1866 году.

Запись от 27 апреля 1866 года:

«В Москве начались аресты: взята какая-то Оболенская (но не княгиня), кажется, урожденная Викулина, и брат ее, Алексеев, Воейков – тот, говорят, богатый человек. Не уж-ли это все нигилисты?»

Говорят, что Каракозов (если он Каракозов?) во всем признался и просит служить у него обедницы за спасение государя. С другой стороны утверждают, что он ксендз, издавна доставший себе паспорт умершего Дмитрия Васильевича Каракозова. Этим объясняется то, что его признал инспектор московских студентов и знание им (?) языков польского, французского и немецкого» (211).

Еще одна запись на эту тему, но уже *от 4 октября 1866 года:*

«...злодейское покушение, не только преступное, но и нелепое во всех смыслах образумило так называемых нигилистов, которых настоящее имя: польская шляхта» (221).

Одоевский воспринимает нигилизм как явление, которое несвойственно русскому человеку. Он считает это хитрым обманом, целью которого является подрыв и разрушение культуры. Но если для «езуитов» – это не более чем софизмы, то вот русские превращают их в реальность и охотно поддаются уже самообману.

Однако нельзя не обратить внимание и на тот факт, что мнение В. Ф. Одоевского о нигилистах, как правило, основано не на личном опыте взаимодействия с ними, а на рассказах третьих лиц.

Например, *запись от [18 апреля] 1865 года:*

«Нигилисты на площади Кремлевской – на манер раскольнических прений. Проповедуют крестьянам о недостаточности данной свободы. Какой-то юноша (по рассказам) связал крестьянину руки и спросил: “волен ли ты?” – “Нет”, отвечал крестьянин, он отпустил немного веревки: “а теперь волен ли?” – “Нет”; отпустил еще больше, но так что руки все оставались связанными. “Ну теперь?” – “Все нет” – “Ну, так вот, я сделаю, что будешь совсем волен”, и с этими словами совсем развязал руки. “Вот теперь ты волен – можешь махать руками на обе стороны, и дать кому хочешь зуботычину”. Этого мало; завели речь о вере – крестьянин стоял за веру. “Хорошо, – сказал нигилист, – с верою ты думаешь все возможно – сдвинь же Кремль в реку”. – “Этого нельзя”, – отвечал крестьянин. “А вот я так могу – положу бочку пороха под четыре конца – и повалится Кремль”» (196).

---

¹ Здесь и далее цитаты из дневника В. Ф. Одоевского приводятся по изданию [«Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В. Ф. Одоевского 1859-1869 гг.] с указанием страницы в круглых скобках.

Или такая *запись от 28 апреля 1866 года*:

«У Свербеевых, где простился с кн. Ольгой Оболенской, уезжающей в Тверь, где ее муж вице-губернатором. Она мне сказывала, что арестованная Оболенская есть княжна, не употребляющая сего звания по принципу, и что одно из правил нигилистов не быть опрятным. Что за гадость, особливо если они живут с мужчинами в плотском соединении; от них должно вонять нестерпимо» (211).

Все это, включая истории, происходившие с товарищами В. Ф. Одоевского, приводят его к резкому и однозначному неприятию нигилистов:

Запись от 13 августа 1866 года

«Явился Орел-Ошмянцев. Похудел, кашляет, весьма молчалив о допросе, ему сделанном, и только жалуется на потерянное лето в страшной скуке; бранит нигилистов, по милости которых попался в подозрение, обидное уже потому, что его сочли в связи с такими скотами» (217).

Если же обратиться к литературе, то, конечно, особого внимания заслуживает отношение В. Ф. Одоевского к Н. Г. Чернышевскому.

В. Ф. Одоевский читал его роман «Что делать?» не в числе первых, и в целом он на тот момент даже не знал, что Н. Г. Чернышевский уже находился в Петропавловской крепости, однако его реакция очень показательна.

Запись от 1 января 1864 года:

«Читал впервые “Что делать?” Чернышевского. Что за нелепое, на каждом шагу противоречащее себе направление! Но как la promiscuite des femmes [свободное общение с женщинами] должна соблазнять молодых людей. А когда состареются?» (176)

Запись от 2 января 1864 года:

«Дочитываю “Что делать?” – Господи! Что за болтовня, что за тавтология! Вчера я услышал, что Чернышевский в крепости – за что не знаю еще – жаль во всех отношениях, – особенно потому, что нельзя распушить “Что делать?”, этого нелепого нигилистского молитвенника – который соблазнителен для молодежи – и между тем такой же яд, как езуитская теория, столь сходная с нигилистской» (176–178).

Очевидно, что В. Ф. Одоевский понял задумку Н. Г. Чернышевского, ведь он сам еще в «Русских ночах», в новелле «Город без имени», как бы предвосхитил и заранее опроверг его теорию расчета выгод. И хотя эта новелла задумывалась, чтобы развенчать утилитарную философию Иеремии Бентама, она служит яркой иллюстрацией того, к чему может прийти человечество, следуя разумному эгоизму. А получается, что спустя 20 лет после выхода книги В. Ф. Одоевского, утилитаризм захватывает умы людей с новой силой и делает это еще более опасным способом – через художественную литературу. Да еще и с буквальной инструкцией, что, собственно, нужно делать.

Вот только увидели это уже слишком поздно. Теперь нужно было ставить вопрос не об опасности книги, которую к тому моменту уже успели прочитать те, кому она предназначалась, а о том, что делать, чтобы остановить распространение нигилизма.

В. Ф. Одоевский в этом вопросе занимает позицию гласности.

Запись от 12 января 1864 года:

«...необнародование процессов Заичневского, Чернышевского и проч. дает полный простор произвольным толкованиям. Общественное мнение безоружно против партизанов этого учения, для которых все эти господа святые жертвы. Что они делали, что говорили на допросах – публике неизвестно. Некоторые их дела гнусны, слова нелепы и бестолковы, как я мог судить по допросам. Лучшее орудие против них – напечатать их ответы на допросные пункты и очные ставки в целостности, как они ими подписаны, тогда публике будет понятно, что это за господа. Теперь же в кружках отдельных, не представляющих ничего зазорного, развивается нигилизм (?) сильно; карать их собственно не за что, да и тем лишь умножить число мучеников. Между тем рассказы об их святости и следственно о несвятости правительства переходят в журналы, печатаемые за границею, – и обращаются в материал для

наших врагов в семействах и на парламентской трибуне, которые ссылаются на общее влияние» (178–179).

То, как правительство решило бороться с нигилизмом, В. Ф. Одоевского также не удовлетворило. Он не понимает и не принимает этих мер и считает, что они могут сделать только хуже. Запись от [29 декабря] 1868 года:

«Говорят, что Иннокентий, побывав на лекциях богословия в университете и гимназиях, был поражен их огромностью и сказал: “самый лучший способ наделать атеистов”. – И оно действительно так, ибо лучшие мысли правительства получают у нас безобразное исполнение. – При распространяющемся нигилизме правительство желало подкрепить религиозное направление. Исполнители поняли это так: они расширили в университетах и гимназиях преподавание богословия (забыли, что Чернышевский, Добролюбов, Благовосветлов, Помяловский, Антонович и друг. были воспитанниками семинарий и духовных академий); а в закрытых заведениях по субботам не отпускают детей домой для того, чтобы воспитанники не пропустили всенощной. Понятно, какое религиозное направление получит школьник, в продолжение недели ожидающий благословенной субботы, и как он должен честить всенощную, для которой его задерживают. Не уж-ли еще не вывелись люди, которые полагали, что механикой можно сделать человека и религиозным и нравственным. Вот каким путем у нас попадают в цель, вполне противоположную желаемой!» (250).

В завершение стоит все-таки сказать о том, с чего мы начали: каким было отношение В. Ф. Одоевского к самому известному литературному нигилисту – Базарову, герою «Отцов и детей». Если учесть, что дружеские связи с И. С. Тургеневым он поддерживал еще с 1830-х годов, можно допустить, что здесь Одоевский будет уже не так категоричен. Однако его позиция сложнее.

В своей заметке В. Ф. Одоевский концентрирует внимание не столько на нигилизме, сколько на причудливом сочетании взаимоисключающих элементов в характере героя: «Но мы не можем понять, каким путем отрицание авторитета в науке может ужиться с презрением к истине, с отрицанием всякого человеческого чувства, словом, с таким безграничным <нигилизмом>. Здесь совершилось какое-то психологическое чудо, к которому автор поспешил дать нам ключ: ибо в естественном порядке вещей отрицание всякого авторитета в науке обуславливает совершенно иные явления» [Одоевский, 1982, с. 117].

В. Ф. Одоевский убежден, что отрицание авторитетов – это качество настоящего искателя истины, и оно должно было привести не к тотальному отрицанию явлений жизни, а наоборот к их принятию, к терпимости по отношению к другим мнениям: «Следствием самой методы такого искания истины должна быть веротерпимость, толерантизм, но отнюдь не индифферентизм. Оттого и с этой стороны искатель истины не может быть равнодушен ни к любви, ни к обаянию семейства (когда оно не противоречит его стремлениям, чего нет в семействе Базарова), ни даже к впечатлениям природы, ибо самая неопределенность этих впечатлений есть для него нива к возделанию» [Одоевский, 1982, с. 118].

Доказывая невозможность сочетания качеств, которыми наделил И. С. Тургенев Базарова, В. Ф. Одоевский в самом конце заметки задается вопросом: «не шарлатанит ли Базаров? [Не эту ли мысль автор хотел выговорить в характере Базарова?]]» [Там же].

И нетрудно догадаться, почему В. Ф. Одоевский думает именно так и в чем-то даже пытается оправдать этого героя. Образ Базарова близок ему – таким же искателем истины был и он сам. Но разочарование 1840-х годов не вывело его на путь отрицания, а стало лишь стимулом двигаться в своих поисках дальше. И В. Ф. Одоевский не жалеет об этом. Нигилизм, по его мнению, приводит только к одному финалу – тому, который получает Базаров – забвению. В. Ф. Одоевский хочет надеяться, что И. С. Тургенев закладывал в роман именно эту идею: Базаров мог быть другим, он хотел другого, но его возможности не были реализованы из-за того тупика, в котором он оказался – или сам себя загнал. Тупика под названием нигилизм.

Литература

«Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. 1935. Т. 22–24. С. 79–308.

Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М. : Современник, 1982.

Одоевский В. Ф. Русские письма // Русские ночи / В. Ф. Одоевский; изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л. : Наука, 1975.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: в 2 ч. / П. Н. Сакулин. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.

Турьян М. А. Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М. : Книга, 1991.

Kachkov I. A. The Problem of Nihilism in the Understanding of V. F. Odoevsky (based on the material of the writer's diaries of the 1860s)

Abstract. The work is devoted to the study of V. F. Odoevsky's views, in particular, his attitude to the problem of nihilism of the 1860s. Based on the writer's diaries, it is possible to establish in what he saw the origins of nihilism and how he perceived the adherents of this worldview. It is also possible to identify the attitude of V. F. Odoevsky to the novels "What to Do?" by N. G. Chernyshevsky and "Fathers and Children" by I. S. Turgenev.

Keywords: V. F. Odoevsky, nihilism, diaries, "Fathers and Children", "What to do?".